

УДК 821.161.1-1 '18-19'

**ВОЛШЕБНЫЕ МОТИВЫ РУССКОЙ СКАЗКИ «ПОЙДИ ТУДА – НЕ ЗНАЮ
КУДА, ПРИНЕСИ ТО – НЕ ЗНАЮ ЧТО» В СТИХОТВОРЕНИЯХ
«АТОМНАЯ СКАЗКА» Ю. КУЗНЕЦОВА И «СКАЗКА» Н. ТРЯПКИНА**

Т. Н. Хриптулова

Тверской государственной университет

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Предметом исследования в статье становятся волшебные мотивы русской народной сказки в стихотворениях Кузнецова и Тряпкина. Отталкиваясь от нравственной идеи, сказочного сюжета, образов и мотивов, существующих в стихотворениях в трансформационном виде, поэты попытались найти общий язык с эпохой.

Ключевые слова: *сказка, мотив, сюжет, образ, Ю. П. Кузнецов, Н. И. Тряпкин*

В лирике Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова русская сказочная традиция представлена разнообразными сказочными мотивами, о чем свидетельствуют многочисленные примеры стихотворений. В данном исследовании речь пойдет о двух стихотворениях: «Сказка» Тряпкина и «Атомная сказка» Кузнецова, в которых обнаруживаются элементы русской волшебной сказки: особенности сказочного сюжетостроения, образы-символы и словесные формулы, закрепленные за данным жанром.

Поэзия Н. И. Тряпкина отличается широким использованием различных фольклорных сказочных интертекстов, имеющих философско-художественную значимость в создании национальной картины мира. Так, семантическая наполненность стихотворения «Сказка» (1979) Тряпкина отсылает читателя к сюжету русской народной сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Однажды Федот-стрелец, один из королевских стрелков, снабжавших царский стол дичью, отправился в лес, увидел горлицу и стрелой перебил ей крыло. Горлица, разговаривая с Федотом человеческим голосом, попросила не убивать ее, а принести домой, посадить на окошко и ударить после того, как оно впадет в дремоту. Возвратившись домой и дождавшись указанного часа, стрелец исполнил наказ горлицы: птица упала назем и сделалась «душой-девицей», на которой Федот-стрелец женился [4, с. 161].

Тряпкин сохраняет сказочную завязку фольклорного текста: царский стрелок, получив распоряжение от царя-барюшки, отправляется в лес за провиантом для царского стола. Ничего не добыв в лесу («Исходился, избегался царский стрелок // Да по дебрям лесным. // Ничего не добыл он на царский пирог // Самострелом своим» [6, с. 258]), он увидел голубицу, сидящую на суку, и услышал ее пение:

Закручинился парень, уселся на пне.

(А уж ночка-то – вот!)

И слышалось вдруг: где-то там, в вышине,

Голубица поет [6, с. 258].

Далее поэт постепенно отходит от сказочного текста и вступает в полемику с формульностью сказки. Он не просто отступает от сказочной структуры (что

естественно в реалистическом произведении), а нарушает законы развертывания сказочного времени, организуя свое художественное время по другим законам. Известно, что сказка фиксирует свое внимание на событийных узлах, не сосредотачиваясь на промежуточных явлениях. Движение по нарастающей в сказке обеспечивает интенсивность формирования конфликта и яркость кульминационного события. Тряпкин, напротив, «перепрыгивает» через самые острые ситуации, давая их ретроспективно в кратком изложении («И ударила стрелка под то ли крыло, // И промчалась насквозь...» [6, с. 258]).

Фольклорная сказочная традиция в значительной степени повлияла на поэтический язык и образность стихотворения Тряпкина, которое включает в себя два стилистических пласта: сказочный и просторечный. Сказочный пласт представлен образами *звездного дуба*, *Млечной реки*, сказочными формулами («ни видать, ни слышать», «закручинился»), просторечный пласт реализован на лексическом уровне: *узрел*, *исходился*, *избежался*, *самострел*, *издымились* (необходимо заметить, что просторечия, встречающиеся в русских народных сказках, воспринимаются как архаизмы). Таким образом, народно-поэтическая лексика и разговорный синтаксис, просторечие и народные присловья выступают здесь органическим элементом языкового строя поэта.

Следует отметить, что стихотворение, названное Тряпкиным «Сказка», также имеет притчевый характер, о чем свидетельствует последнее четверостишие стихотворения («Только эту вот притчу про сказочный лук // Мы решили сказать» [6, с. 259]). Авторский текст, апеллируя к фольклорному миру текста, приобретает по его влиянию характерологические свойства фольклорного текста. Такой текст может соединять в себе разные фольклорные тексты, образы, соединять разные уже известные художественные системы (песня-сказка, притча-сказка), что позволяет создать интертекстуальное пространство [2, с. 29].

Одной из существенных черт народного творчества является идеальность главного героя. Однако Тряпкин наделяет своего «стрелка» иными качествами, нехарактерными для фольклорного персонажа, трансформирует исходные, сложившиеся на протяжении веков свойства и функции.

В фольклорных сказочных текстах насчитывается пять вариантов сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»: четыре – в обработке А. Н. Афанасьева и пятый – в обработке А. Н. Толстого [1, с. 75]. В четырех вариантах есть имя – Федот-стрелец (Толстой переименовывает Федота в Андрея). Тряпкин делает своего героя безымянным. Поэт, изменяя именную заданность фольклорного персонажа, реорганизует исходный сказочный материал, создавая качественно иные меры, имеющие опосредованную связь с миром фольклора. Образ безымянного царского стрелка в «Сказке» универсализируется до образа человечества, идущего на поводу у собственных страстей.

В русской волшебной сказке Федот-стрелец стреляет в горлицу, в стихотворении Тряпкина царский стрелок голубицу убивает: «И ударила стрелка под то ли крыло, // И промчалась насквозь... // И великое пламя над миром прошло, //

А верней, – пронеслось» [6, с. 258]. Убийство приводит к нарушению сказочной стратегии. Момент испытания приобретает трагичность, что совсем не характерно для волшебной сказки. Уничтожение волшебного помощника (она же заколдованная невеста, обладающая волшебной силой) приводит к неизбежному свертыванию сюжета, поскольку не создается ситуации продолжения с позитивным концом.

В славянской мифологии горлица – символ верности и бескорыстной привязанности, голубь – олицетворение любви, мира, птица пророчеств [7, с. 461]. Распространены представления о голубе как посреднике между Землёй и Небом и божественном вестнике. В стихотворении голубица является символом стихии реалистической, которая проявляется в финале стихотворения – мировая ось подвергается испытаниям разрушительной деятельности человека: «Издымились деревья, пропала трава, // И не стало воды. // Только месяцверху зарыдал, как сова, // От великой беды...» [6, с. 258]. Так поэт превращает героев стихотворения в современников (стихотворение посвящено В. Кожинуву), сохраняя черты фольклорных прообразов.

В стихотворении действие разворачивается именно у дуба («звездного дуба» у «млечной реки»). Зеленый дуб («Мировое дерево») – центр, Мировая ось, соединяющая небо, землю, потусторонний мир, соотносимое с центром пространства, понятием времени, символом его бесконечности и вечности Божества. По мысли С. Ю. Николаевой, Тряпкин считает недопустимым раскачивание мировой оси, и в этом он продолжает размышления своего современника Ю. П. Кузнецова, который в стихотворении «Атомная сказка» (1968) воссоздает похожий сюжет [5, с. 114]: Иванушка, выйдя в чисто поле, пускает стрелу в лягушкино болото, ранит царевну-лягушку, а потом – «вскрывает ей белое царское тело и пускает электрический ток» [3, с. 82].

Ю. П. Кузнецов аналогичным образом изменяет исторически заложенному сказочному значению и функции, проявляя на новом историческом этапе характеристики персонажа эпохи образ Иванушки. Это свидетельствует о том, что оба произведения строятся по одной семантической модели, а изменение сказочной стратегии (последовательности функций) связано с наделением персонажей, взятых из фольклорного пространственно-временного континуума, качествами, противоречащими фольклорной исторически сложившейся заданности: трансформируются исходные функции сказочного персонажа, сложившиеся на протяжении веков свойства [2, с. 127].

Если у Кузнецова сказочный мотив выполняет дидактическую функцию (неограниченное нравственными законами познание мира человеком оборачивается не только против самого человека, но и против целого мира – «В долгих муках она умирала, // В каждой жилке стучали века» [3, с. 82]), то у Тряпкина человек идёт ещё дальше в своем стремлении достичь мирового господства (посвягает на «голубицу на звездном дубу у Млечной реки», то есть восстает против Бога, Святого Духа, он колеблет мировую ось) [5, с. 114].

Итак, анализируя принципы сюжетостроения стихотворений «Сказка» Н. И. Тряпкина и «Атомная сказка» Ю. П. Кузнецова, следует подчеркнуть, что волшебные мотивы русской сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» оказались той органической формой, которая совпала с художественным замыслом поэтов. Фольклорный текст, включенный авторами в стихотворения, выполняет самые разнообразные художественные функции: характеризующую, выполняющую роль авторского голоса, проявления авторского сознания, функцию контраста, подчеркивающую антитетичность героев, функцию культурной отсылки, связывающую персонажа с исконно народным национальным видением мира.

Список литературы

1. Даниленко В. Новаторство Леонида Филатова в сказке «Про Федота-стрельца, удалого молодца» // Литературная учеба. 2011. № 2. С. 74–101.
2. Кошелева И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Бийск: БПГУ, 2005. 177 с.
3. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. 351 с.
4. Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева. М.: Худож. литер., 1977. 348 с.
5. Николаева С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // Незбывный Ветроград: Альманах Всероссийского фестиваля им. Н. Тряпкина. Вып.1. М.; Лотошино, 2010. С. 108–117.
6. Тряпкин Н. И. Стихотворения. М.: Худож. литер, 1989. 431 с.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 608 с.

MAGIC MOTIVES OF RUSSIAN FAIRY TALES “GO THERE – I DO NOT KNOW WHERE, BRING IT – I DO NOT KNOW WHAT” IN THE POEMS “ATOMIC TALE” Y. KUZNETSOV AND “FAIRY TALE” H. TRAPKIN

T. N. Khriptulova

Tver State University

The department of philology of the basics of publishing and literary creativity

The study in the article become a magical motives of Russian national fairy-tales in the poems Kuznetsova and Trapkin. Starting from moral ideas, a fabulous story, images and motifs that exist in the poems in transformational form, poets tried to find a common language with age.

Key words: *fairy tale, motif, plot, image, Y. Kuznetsov, N. Drapkin*

Об авторе:

ХРИПТУЛОВА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: khriptulovatat@rambler.ru.